

ИМПЕРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ОТ КАРОЛИНГОВ ДО ЧИНГИЗИДОВ

Под редакцией
Сильвена Гугенхейма

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Коллектив авторов

**Империи Средневековья. От
Каролингов до Чингизидов**

«Альпина Диджитал»

2019

УДК 94(100)"375/1492"

ББК 63.3(0)4

Коллектив авторов

Империи Средневековья. От Каролингов до Чингизидов /
Коллектив авторов — «Альпина Диджитал», 2019

ISBN 978-5-00-139437-2

В книге «Империи Средневековья» под редакцией известного историка-медиевиста Сильвена Гугенхейма впервые под одной обложкой собраны работы, описывающие становление и развитие 16 империй в разных концах света. Цель настоящего сборника – охватить единым взглядом схожие между собой политические образования в рамках протяженного хронологического отрезка в планетарном масштабе. Структура изложения материала обусловлена предложенным Гугенхеймом делением империй на три группы: империи-универсумы (такие как империя Каролингов, Византия, Монгольская и Китайская империи и т. д.), империи, изолированные в определенном географическом пространстве (Болгарская, Сербская, Японская, Латинская империя Константинополя, солнечные империи Латинской Америки), а также империи с рассредоточенными территориями (Германская империя Оттонов, Нормандская империя, империя Плантагенетов, талассократические империи Венеции и Шривиджай). Статьи авторов, среди которых как именитые ученые, так и яркие молодые исследователи, отличаются оригинальностью подходов, насыщены фактами и выводами, представляющими несомненный интерес не только для специалистов, но и для самого широкого круга любителей истории.

УДК 94(100)"375/1492"

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-00-139437-2

© Коллектив авторов, 2019

© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Введение	7
«Империи-миры» и «Империи-универсумы»	15
1	15
2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Империи Средневековья: От Каролингов до Чингизидов

Под редакцией Сильвена Гугенхейма

Переводчик Алексей Изосимов

Научный редактор Олег Воскобойников, д-р ист. наук

Редактор Валентина Бологова

Издатель П. Подкосов

Руководитель проекта А. Казакова

Арт-директор Ю. Буга

Корректоры И. Астапкина, С. Чупахина

Компьютерная верстка А. Фоминов

© Perrin, un departement de Place des Editeurs, 2019

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Введение

Могущество и слава

Под солнцем смерти рождаются империи и церкви!
АЛЬБЕР КАМЮ

Королевский титул износился со временем... Императорский же величественен, но одновременно туманен – он возбуждает воображение!
НАПОЛЕОН В ПИСЬМЕ ГОСПОЖЕ РЕМЮЗА

«Империи» в «Средние века»

Цель настоящего сборника – охватить целостным взглядом априори схожие между собой политические образования в рамках протяженного хронологического отрезка в планетарном масштабе. Эта работа могла бы служить введением к глобальной истории, однако не всеобщей – мы будем говорить только о средневековых империях. Для начала нам надо разобраться в терминах «империя» и «Средние века» и удостовериться, что их сочетание имеет смысл в рамках истории всего мира.

Идея о «среднем» времени, промежуточном этапе, появилась у итальянских гуманистов в конце XIV – начале XV в. Это понятие означало длительный хронологический отрезок, который, с их точки зрения, отделял блистательную Античность от современной им эпохи, ознаменовавшейся культурным возрождением³. С тех пор в европейской историографической традиции период V–XV вв. н. э.⁴ принято называть Средневековьем: *Moyen Âge*, *Middle Ages*, *das Mittelalter*, *il Medioevo*, *Średniowiecze*, *Idade média* и т. д.

Отсюда вытекает очевидный вопрос: применим ли этот временной отрезок за пределами европейских реалий? Достаточно выбрать летоисчисление, отличное от христианского, ставшего международной нормой, чтобы увидеть расхождение: «Средние века» в полной мере не совпадают. Однако смена точки отсчета не меняет природы и сущности изучаемого феномена, хотя некоторые историки верят, что тем самым совершают «коперниковскую революцию» в науке.

Конечно, выбранный промежуток не всегда подходит для анализа иных континентов и цивилизаций, которым свойственна собственная хронология и периодизация. Николя Дрокур подчеркивает, что даже близкая к нам Византия «заставляет нас пересмотреть весьма условную границу между Античностью и Средними веками». В истории Японии эпоха, длившаяся с конца VI по конец XII в. называется «Древностью» (*Кодай*). Если смотреть на всю историю человечества в целом, то деление на четыре части, выработанное европейской историографией, вызывает сомнения. Можно ли выработать универсальную хронологию для всего человечества или цивилизации двигались слишком разными путями, которые нельзя соотносить

¹ Albert Camus, *La Chute*, Paris, Gallimard, 1956; rééd., coll. «Folio», 2014, p. 133. Камю А. Избранное / Пер. Н. Немчиновой. – М.: Радуга, 1988. С. 277–334.

² Mme de Rémusat, *Mémoires*, t. I, Paris, Calmann-Lévy, 1880, pp. 391–392.

³ Разделение на «древность» или «Античность», «среднее время» или «Средневековье» и «Новое время» впервые встречается во французском трактате «Спор оружейных герольдов Англии и Франции» (1453–1461).

⁴ Историки спорят о границах этого хронологического отрезка, что может отражаться на интерпретациях некоторых феноменов, однако не ставит под сомнение убедительность принятого деления.

между собой?⁵ Не является ли само желание выработать всеобщую периодизацию особенностью западного мировоззрения?

Настоящий сборник объединен имперской тематикой, а средневековый период, несмотря на то что связан с определенным (европейским) регионом, для каждого политического образования служит общими хронологическими рамками и точками отсчета⁶. Всеобщая сравнительная история мировых империй, скорее всего, помогла бы выявить другое «Средневековье», по крайней мере для исследуемого предмета. Здесь мы не ставим столь масштабную задачу⁷.

Период V–XV вв. правомерно рассматривать, если в качестве критерия мы возьмем демографический рост и связь между различными пространствами, населенными людьми. Ойкумена Древнего мира была усеяна незаселенными и изолированными территориями, а огромные расстояния были препятствием для сообщения между отдаленными странами. Период, который принято называть «Новым временем», напротив, среди прочего характеризуется европейской трансокеанской экспансией и установлением контактов между разными цивилизациями. Германская империя Штауфенов соседствовала с государством монголов в рамках Евразийского континента, порой они могли вступать друг с другом в контакт. Однако в этой империи не подозревали о существовании империи ацтеков, как и ацтеки – о существовании Штауфенов и Чингизидов. При Карле V все изменилось. Получается, что в Средние века самые разные мировые империи могли спокойно сосуществовать. Наше внимание привлекло их совпадение во времени, вне зависимости от системы летосчисления. Календарь отнюдь не синоним времени. Тем не менее, чтобы избежать излишних упрощений, которые обесмыслили бы изучение анализируемых в сборнике империй, хронологические рамки выбирались исходя из специфики каждого из рассматриваемых государств.

Но вот еще один подводный камень: ряд философских теорий предостерегает от использования западного набора терминов, иными словами, европейских категорий мышления для анализа других эпох и иных цивилизаций⁸. Подобный релятивизм происходит от некоторого идеализма и ставит перед неразрешимой логической проблемой: мир не есть текст, а слова не тождественны вещам. Язык помогает осмыслить мир, однако не создает его. Если мы сочтем нашу терминологию и наши категории мышления не релевантными для иных культур, то изучение того, что находится за пределами нашего опыта или предшествует ему, станет возможным только ценой обращения к словарю изучаемых обществ. В этом случае мы должны были бы говорить об *imperium*, *Rîche* и *тэнно*, не пытаясь перевести эти термины иначе, чем подыскивая им более или менее элегантный перифраз. Доводя это утверждение до логического завершения, следует признать, что рассуждать о Каролингской империи может только тот, кто был ее подданным и говорил с Карлом Великим на одном диалекте. Перед нами отрицание самой возможности исторического исследования и, более того, научного мышления.

У нас нет выбора: узнав о ловушках нашей терминологии, осознав категории, связанные с нашей культурой, мы должны двигаться дальше, используя собственные слова и стараясь не прикладывать современные значения к реалиям прошлого произвольным образом, так как это может привести к ошибочной вере в постоянство изучаемых объектов, порождая опасность анахронизма. Остается только провозгласить способность разума, пусть даже в несовершенной степени, познать любой феномен, связанный с жизнедеятельностью человека.

⁵ Hervé Inglebert, *Le Monde. L'Histoire*, Paris, PUF, 2014, p. 1126. О «мировых хрониках», см. pp. 1181–1189.

⁶ *Ibid.*, p. 61: «Проблема глобальной периодизации не решена. Системы периодизации, как правило, представляют собой автопериодизацию, завязанную на ту или иную культуру. Их можно применять по отношению к другим народам как систему точек отсчета, но не как адекватную хронологию».

⁷ Jane Burbank et Frederick Cooper (*Empires. De la Chine ancienne à nos jours*, Paris, Payot, 2011). Авторы предприняли подобную попытку, однако они не ставили вопрос о периодизации мировой истории и не подвергали сомнению традиционную четырехчастную периодизацию, которая грешит евроцентризмом.

⁸ Keith Windshuttle, *The Killing of History. How Literary Critics and Social Theorists Are Murdering our Past*, Paddington (Australia), Macleay Press, 1996.

Суверенность империй

Теперь нужно определить, что мы будем понимать под «империями». Как у людей, живших в те эпохи, так и у современных историков часто не находится подходящих слов. Как назвать «безымянное территориальное объединение», что создали Плантагенеты, о котором пишет Майте Биллоре? Пьер Бодуан подчеркивает, что следует говорить об «империи нормандцев», а не о «нормандской империи», и дело вовсе не в тонкостях стиля. Со своей стороны, Мари-Селин Исая указывает на то, что Каролинги создали многогранное понятие, сообразное своим амбициям, чтобы характеризовать созданную ими империю. Бернар Думерк добавляет, что «историки, говоря о “Венецианской империи”, придают этому словосочетанию самые разные оттенки».

Политические образования Античности (Египетская, Персидская, Македонская, Римская империи) служат самыми ранними моделями для ответа на поставленный вопрос. В то время как протяженность во времени и пространстве в каждом случае различна и может меняться в зависимости от обстоятельств, объективным критерием можно считать то, что империя, в отличие от царства или города, не может быть частью иного целого. Нет никого, кто мог бы стоять над императором; империя воплощает абсолютный суверенитет или, по крайней мере, претендует на него. В лучшем случае она может снисходительно относиться к существованию, а следовательно, к конкуренции с другими империями.

Такое определение применимо к любым географическим ареалам и хронологическим отрезкам. Оно позволяет свести воедино все многообразие политического опыта, однако, очевидно, не учитывает его вариативность.

На первый взгляд может показаться, что описанные в сборнике империи представляют собой сменяющийся исторический калейдоскоп. Но действительно ли разнообразные политические образования, называвшие себя или нареченные другими этим громким именем, были основаны на одних и тех же принципах? Или, наоборот, они различаются до такой степени, что их неоднородность ставит под вопрос само существование категории, в рамках которой мы хотели бы их рассмотреть? Это не праздный вопрос. В некоторых случаях (Болгария, Сербия, Шривиджая, нормандская экспансия) историки спорят об уместности термина «империя». Протяженность и отсутствие сообщения среди прочего объясняют многообразие имперского опыта. Однако эти различия не мешают нам увидеть аналогичные практики, общие проблемы и порой схожие решения. То, с чем имеет дело история, по словам Поля Вена, «специфично»: каждый объект изучения уникален, даже если принадлежит к числу подобных, которые, в свою очередь, также могут стать предметом исследования. С другой стороны, всякий исторический объект по определению переменчив во времени. Его своеобразие подвижно, что вовсе не означает его отсутствия. История также изучает и эти изменения.

В конце концов, существование столь большого числа имперских систем можно объяснить простой причиной: если правители в конкретном пространстве стремились носить императорский титул, захватывали его, пытались заставить другие страны, которые также могли носить имперский характер, признавать его (как в случае болгарского царя Петра, получившего признание от византийского василевса в 927 г., описанном в статье Веры Атанасовой), мы должны всерьез рассматривать их притязания. Далее следует провести критический анализ, чтобы определить, можем ли мы считать эти образования империями.

Протяженность во времени и безмерность пространства

Нет ничего, что стояло бы над империей. Она есть наивысшее выражение державности. Это впечатление усиливается, если имперская власть опирается на величественную сто-

лицу, которая в ряде случаев может нести в себе образ всего мира (Багдад, Теотиуакан). Тем не менее долговечность не является определяющей характеристикой империи. Долгожителство императорского Китая и Священной Римской империи, которые выходят за условленные рамки Средневековья, поражает воображение, однако Каролингская империя существовала лишь 88 лет. В то же время быстротечность не умаляет ее славы: легенда о Карле Великом веками зачаровывала сознание европейцев.

Несмотря на то что не существует порога, переступив который государство могло бы называться империей, необъятность является самым распространенным критерием. Монгольское государство было крупнейшим из континентальных империй: оно простиралось от Китая до Черного моря, охватывая Россию и угрожая Центральной Европе. Но были и империи гораздо более скромных размеров: Хазарский каганат, Венеция и Генуя с их торговыми сетями. Государство ацтеков было меньше современной Мексики. Существовали также «придатки» великих империй. Мало что связывает государства Чингизидов и украденную империю, выстроенную латинянами после взятия Константинополя, о несостоятельности и иллюзорности которой пишет Флоранс Сансони.

Кроме того, протяженность владений остается недостаточным критерием для понимания территориального могущества. К этому стоит добавить сжатость и раздробленность подвластных территорий. Китайская, Японская, Монгольская и Каролингская империи были, подобно Риму, монолитными, в то время как власть других простиралась на рассеянные территории: нормандцы и Плантагенеты служат хорошим примером способности имперской власти находиться одновременно в разных местах. Венеция создала «империю анклавов», которая опиралась преимущественно на острова и не интересовалась расширением внутренних районов страны.

Особую важность при любом раскладе имеет контроль над путями сообщения и связями с другими державами. Монгольская империя господствовала над всеми артериями Великой степи, а морские силы Венеции и Шривиджаи обеспечивали необходимые для существования этих государств связи, хотя, как подчеркивает Пьер-Ив Манген, у нас есть не так уж много оснований, чтобы провозгласить последнюю имперской талассократией. С другой стороны, Каролинги и германские императоры не слишком эффективно контролировали свои земли.

Война и мир

Имперская идея интуитивно ассоциируется с завоеваниями. Многие империи родились в ходе военных действий, среди них государства, созданные «воинами Аллаха» и степными номадами. Византия унаследовала территории, завоеванные римлянами, а тлатоани ацтеков был по определению тем, «кто внушает страх», как отмечает Кармен Бернан. Тем не менее прославленная Германская империя (Священная Римская империя) составляет исключение в этом ряду – ее можно считать недостроенной из-за недостатка войск и нехватки ресурсов. К силе нужно добавить благосостояние, которое способствовало росту военного могущества и в то же время являлось результатом военной экспансии. Империи существуют за счет продуктивного перераспределения плодов войны и установления господства над населением.

Некоторые из империй представляли собой «экономические миры»: по словам Паолы Каланка, Китай был «движущей силой азиатской торговли и экономики», что, впрочем, верно и в отношении державы Аббасидов и Шривиджаи, правда в несколько ином масштабе. С другой стороны, не вызывает сомнений, что Каролинги и сербы не претендовали на подобный статус.

По образу *Pax Romana*, империи часто претендовали на создание собственного единого мира, будь то идеал согласия при Каролингах или «монгольская ойкумена». Киото первоначально назывался Хэйан-кё – «столица мира и спокойствия». Иные империи пытались скрыться за надежно укрепленными рубежами. Островное расположение обеспечивало Япо-

нии безопасность наряду с «божественными ветрами» («камикадзе»), спасшими ее от монгольского флота. Империя Цинь построила Великую Китайскую стену, болгары возвели укрепления по периметру своего государства, а Венеция считала лагуну надежным убежищем, своей легендарной колыбелью. Но ни один из этих барьеров не был до конца непроницаемым и непреодолимым, а особенно уязвимыми были «расколотые» империи.

Они могли найти поддержку у иноземных племен, кочевавших по приграничным территориям. Здесь мы обращаемся к объяснительной модели, предложенной Ибн Халдуном⁹. Народы, движимые «асабией» – чувством сплоченности и единства, служат эффективной военной силой, однако, привлеченные богатством и слабостью империй, они в конце концов захватывают в них власть. Затем спустя три-четыре поколения этот процесс повторяется заново. Китай полагался на «варваров» в защите своих границ: уйгуров и татар в поздней Тан, киданей и чжурчженей в эпоху Сун и т. д. Византия порой создавала буферные государства, подталкивая один враждебный народ защищать ее от другого противника¹⁰. В Японии в то же время не было ни лимеса, ни варварской периферии, на что обращает внимание Лоик Казо.

Отношения между центром и периферией, роль посредников и способность управлять внутренним пространством были не менее важными факторами. Германская империя сумела организовать защиту своих границ при помощи местных представителей знати, не прибегая к помощи внешних сил. Создание марок чем-то напоминает систему фем в Византии. В основе глубокой обороны от нашествий мадьяр стоит та же стратегия, что использовали византийцы в Тавре. Границы защищались местными жителями, что в итоге спасало ядро империи. Последним можно было предоставить определенную автономию или даже позволить выйти из состава империи, что не ставило под угрозу ее самобытность и целостность. Это часто приводило к иерархии внутренних пространств, к раздробленности (мир Каролингов) или даже к захвату власти теми, кто успешно охранял границы (Никифор Фока в Византии).

Разнообразие

Европейские нации появились в Средние века, но средневековые империи не были государствами-нациями. Карл Великий управлял не только франками, греческая Византия включала в себя славян, грузин, армян, арабов. Последние, как и турки, также правили многими народами: берберами, персами, греками и др. Во время коронации в Скопье Стефан Душан провозгласил себя «царем сербов и греков», заявив тем самым о многоэтничности своего государства, однако на деле он служил интересам Сербии, поэтому Андрей Файгель задается резонным вопросом: а была ли Сербия на самом деле империей? Многообразие являлось неизбежной данностью, с которой должна была справляться авторитарная власть. В этом им действительно помогали монотеистические религии или буддизм: своей ориентацией на единство они укрепляли самодержавные тенденции (один бог – один император), в то время как политеизм способствовал раздроблению власти.

Дольше всех просуществовали те империи, что проводили «политику различения»¹¹, то есть управляли различными группами населения различным образом, позволяя им говорить на своем языке. Арабский язык, священный язык Корана, не исключал берберский, коптский и

⁹ Gabriel Martinez-Gros, *Brève histoire des empires. Comment ils surgissent, comment ils s'effondrent*, Paris, Seuil, 2014. Привлекательная схема Ибн Халдуна, которой пользуется Мартинес-Гро, слишком бинарна. Она не применима к Европе, Византии, Японии и степным империям, что становится ясно из статьи С. Бержера о монгольской империи.

¹⁰ Edward Luttwak, *La Grande Stratégie de l'Empire byzantin*, Paris, Odile Jacob, 2010.

¹¹ J. Burbank et F. Cooper, *Empires*, op. cit. Политика различия не исключала иерархии: народы не были равны в рамках одной империи. Аббасидский мир навязал христианам и евреям статус зимми, который защищал их, но в то же время ущемлял в правах; в Каролингской империи франки находились на вершине общества; подобным же образом сицилийские нормандцы вытеснили итальянское, греческое и арабское население.

персидский. А турецкий не вытеснил арабский. Таким образом, империя формируется путем соединения разных историй между собой. Лояльность волновала империи гораздо больше, чем гомогенность. Верность подданных играла ключевую роль и наделяла империю необходимым единообразием: Карл Великий требовал от всех свободных мужчин приносить присягу верности; власть османских султанов опиралась на слуг рабского происхождения и региональных наместников, которых привлекала своей щедростью. Утверждение повсеместной власти требовало множества верных и деятельных посредников, а также доверительных отношений с местными властями.

Мечтания

Николя Дрокур, говоря о Византии, подчеркивает, что «по сравнению с королевством в империи гораздо больше воображаемого», а разве Османская империя не явилась своему основателю во сне, о чем напоминает нам Жак Павио? Имперские амбиции и мечтания часто также безмерны, как их протяженность в пространстве. Некоторые империи хотели поглотить весь мир, иные были настроены более прагматично (Венеция, Шривиджая) или стремились оградить себя от внешних влияний (Япония). Но те, кем двигало стремление к великим завоеваниям (монголы) или природа универсалистских монотеизмов (Византия, Аббасиды), мечтали о мировом господстве. Монгольский хан носил титул «императора мира», государя, олицетворяющего на земле единого бога Мункэ Тэнгри – «Вечное Небо» (Симон Бержер). Большинство империй с притязаниями на универсализм пытались создать «всеобщие истории», которые обобщили бы человеческий путь с момента Творения до логического завершения, которым и были эти государства (Каролингская, Аббасидская, Османская, Византийская империи и т. д.). Идея преемственности или связи с основополагающей и прославленной моделью возбуждала воображение. Многие империи принимали мессианский характер: они должны были сплотить под своей сенью все народы перед наступлением Страшного суда. Мы замечаем проявления подобных чаяний в Багдаде, Аахене и Константинополе, которые также стремились воссоздать золотой век. Аббасиды заявляли о том, что после периода упадка при правлении Омейядов они вернулись к чистоте общины Мухаммеда в Медине. Карл Великий в 800 г. и Оттон Великий в 962 г. говорили не о создании новой империи, но о воссоздании Римской, о которой также грезил Фридрих II. Независимо от того, насколько обоснованны были подобные притязания, такая преемственность поддерживала старую мечту, помогала ставить амбициозные цели и определяла направления действия. Обращаясь к принципу *translatio imperii*, монголы воспринимали практики степных империй древности (Симон Бержер). Болгары и сербы подражали могущественной Византии, а Китай создал миф о непрерывности своей государственности.

Многие противоборствующие империи были верны духу универсализма, однако он оставался несбыточной мечтой. Германские императоры не помышляли навязывать свои законы европейским государям: несмотря на все утопические чаяния, они хорошо осознавали реальное соотношение сил. Тем не менее большинство империй стремилось распространить свое влияние, свои идеи, свою систему и свои верования. Так, обратив в христианство славян, Византия экспортировала свою имперскую идеологию. «Неслышная сила»¹² позволяет преодолевать географические рамки и предотвращать вторжения, манипулируя потенциальным противником. Таким же образом работала «политика оболыщения» Плантагенетов (Майте Биллоре).

¹² Выражение «неслышная сила» (*pouvoir feutré*) было придумано геополитиком Жераром Шалияном; оно прекрасно заменяет американский термин *soft power* («мягкая сила») и имеет более широкие оттенки смысла.

Смерть империй

Несмотря на свои чаяния и могущество, империи умирают, часто становясь жертвами своей необъятности и порождаемых ею бедствий. Греки сказали бы, что все дело в «гюбрисе». Ослабленные своими масштабами, империи взрывались под напором центробежных сил и партикуляризма. Мари-Терез Урвуа говорит о том, что «центральное управление оказалось парализовано появлением новой военно-административной должности великого эмира», а Бернар Думерк утверждает, что «распад доверительных связей между периферией и правительственными органами ознаменовал поворотный момент в военной и политической истории Венецианской империи». Когда империя начинает ослабевать, она тут же притягивает падальщиков.

У монголов были наследники, но они не претендовали на все прежние территории империи. У болгаров и сербов не было амбиций своих дальних предков. Но что-то кроме воспоминаний¹³ и мифов (например, о Вселенском халифате) все же остается: в Японии до сих пор правит император, Китай под руководством Си Цзиньпина по-прежнему позиционирует себя как «Срединную империю», а Шривиджая упоминается в индонезийской конституции как одно из государств, стоящих у истоков современной республики, о чем пишет Пьер-Ив Манген.

Исходя из упомянутых критериев, в качестве рабочей гипотезы мы поделили империи, анализируемые в этом сборнике, на три группы: «империи-миры» и «империи-универсумы» (Каролингская, Византийская, Аббасидская, Монгольская, Османская империи); расколотые империи на рассеянных территориях (Священная Римская империя, Нормандская империя, империя Плантагенетов, Венецианская империя, индонезийская империя Шривиджая); закрытые империи или те, территории которых ограничены в силу каких либо факторов и которые не стремятся расширять свои четкие и устойчивые границы (империи ацтеков и инков, Болгарская, Сербская, Японская и Латинская империи) – последние можно рассматривать как «национальные» империи, когда в этих странах появляются нации.

Китай, в особенности в эпоху Сун, кажется нам особым случаем. Его можно определять скорее как целостность, нежели как всеобщность, потому что народы, которые не удавалось ассимилировать, оставались по ту сторону границ. Китай представлял собой цивилизацию, окруженную варварскими перифериями, которые со временем могли быть синизированы. Наконец, китайская история мыслилась как непрерывность императорских династий, что на самом деле не соответствует действительности. Имперская власть, пространство «срединного государства» и цивилизация были теснейшим образом переплетены.

В заключение скажем несколько слов о том, как родилась идея этого сборника: мы не навязывали авторам никаких ограничений, у нас не было никакой предварительной матрицы исследования, которая могла бы направлять мысль и приводить к натянутым аналогиям. Единственной задачей было показать, правомерно ли называть то или иное государственное образование империей и в чем состоит его политическое своеобразие. С учетом экзотичности некоторых обсуждаемых здесь государств авторы, в большей или меньшей степени, жертвовали событийностью в пользу изложения осевых линий, глубинных тенденций, а также политических, экономических и идеологических структур. По сути, авторы пытались показать, что именно в каждом из случаев является индивидуальным, а не описывать отдельные элементы, которые проиллюстрировали бы заранее определенный «идеальный тип» империи. В общей сложности в настоящем сборнике известными учеными и молодыми исследователями пред-

¹³ Alain Ducellier, «Les fantômes des empires. La longue durée politique dans les Balkans», Le Débat, no. 107, novembre-décembre 1999, pp. 69–96.

ставлены 16 империй. Давайте сердечно поблагодарим их всех за вложенный труд и любезно предоставленные материалы¹⁴.

¹⁴ Мы сожалеем, что не смогли заручиться помощью редких франкоязычных специалистов по ряду империй, плохо известных или даже вовсе не известных широкой общественности. В сборнике не представлена Африка к югу от Сахары, в то время как империи на этом континенте могли бы создать почву для множества сравнений (ср.: Michael Gomez, *African Dominion. A New History of Empire in Early and Medieval West Africa*, Princeton, Princeton University Press, 2018). Хазарская и Кхмерская империи также не упомянуты в настоящем издании.

«Империи-миры» и «Империи-универсумы»

1

Империя Каролингов: возрождение Рима?

Мари-Селин Исайя

Каролингская империя появилась в 800 г., когда папа Лев III короновал Карла Великого в Риме. Ее возникновение стало логичным продолжением политики его деда Карла Мартелла и отца Пипина, пришедших к власти на закате меровингской эпохи. Пипин получал королевский венец дважды – в 751 и 754 гг.; в 768 г. ему наследовал Карл. Он укрепил власть, полученную в наследство от отца, и начал проводить активную захватническую политику, вскоре подчинив Баварию и Саксонию. На севере Италии он увенчал себя «железной короной» лангобардских королей, тем не менее не присоединяя их земли к территориям франков, захватил герцогство Сполето, а на юге полуострова обложил данью княжество Беневенто. По сути Карл управлял империей еще до того, как получил соответствующий титул. В 814 г. он скончался, а власть перешла к его сыну Людовику Благочестивому. Людовик столкнулся с враждебностью собственных сыновей: после череды восстаний и войн в 843 г. по Верденскому договору империя была поделена между ними на три части (Карл Лысый получил Западно-Франкское королевство, Людовик Немецкий – Восточно-Франкское, а Лотарь – Лотарингию). Раздел не означал распада империи: императорский титул перешел к Лотарю, контролировавшему две столицы – Ахен и Рим. Однако новые кризисы и междоусобицы вскоре уничтожили империю. После смерти Карла Толстого в 888 г. каждое королевство пошло по своему собственному пути.

Каролингская империя в середине IX в.

Существовала ли когда-нибудь Каролингская империя? «Да», – скажут школьники, знающие, что Карл Великий стал императором в 800 г. «Нет», – отвечают медиевисты со времен Генриха фон Фихтенау. Со свойственным для австрийских интеллектуалов послевоенной эпохи пессимизмом он рассказывал о том, что империя была мифом¹⁵, идеологическим построением, направленным на то, чтобы соединить Церковь и каролингскую власть, подкрепить политическое господство второй универсализмом первой. Империя, писал Фихтенау, была выдумкой ученых на службе у власти, сделавших ее ключевым звеном пропагандистского дискурса. Под прикрытием слов о мире, справедливости и всеобщем спасении продвигалась идея необходимости автократического и империалистического правления. В этих словах немецкого историка чувствуется горькое разочарование человека, поверившего в идеи рейха, который в результате обернулся кошмаром. Сразу следует пояснить, что интеллектуалы эпохи Каролин-

¹⁵ Fichtenau von H. Das karolingische Imperium. Soziale und geistige Problematik eines Grossreiches. Zurich, 1949. 336 s.

гов действительно верили в «империю» и старались ее упрочить. Они понимали под ней форму правления, при которой люди могли познать истинного Бога и войти в Его церковь. Конечно, империя всего лишь идея, но защищавшие ее не были убежденными пособниками деспотической власти. Они грезили об империи как о земном воплощении Божественного предназначения. Лучшее определение «Каролингской империи» в таком ключе дал диакон Флор Лионский, хотя неверное толкование его текста до сих пор весьма распространено. Его «Жалоба о разделении империи, последовавшем за смертью Людовика Благочестивого» (*Analecta vetera sous le titre Déploration sur la division de l'empire qui a suivi lamort de Louis le Pieux*), была опубликована в новом издании «*Vetera Analecta*» Жана Мабильона в 1723 г.¹⁶ С тех пор считается, что Флор сетовал о распаде империи, произошедшем в 843 г. в Вердене. Однако стихи в Средние века не имели названий, и поэма Флора не была исключением. Поэт был бы очень удивлен, узнав, что империю можно разделить, потому что неустанно повторял обратное. Для начала нужно договориться о терминах: *imperium* – это неоспоримая власть правителя, позволяющая ему управлять королевством или королевствами. По мнению авторитетных латинистов, это слово используется не для обозначения империи или территории, большей чем королевство, и не для того, чтобы провести различия между императорской или королевской властью. Вспоминая о короле Нортумбрии Освиу (ум. 670), Алкуин пишет о том, что «он вершил власть (*imperium*) 28 лет... и передал корону своему сыну Эгфриту». Нет сомнения в том, что Освиу никогда не был императором! Внимательное прочтение поэмы Флора Лионского позволяет прояснить это понятие во всей его сложности. Речь идет не об одном человеке и не о династии, но о народе, возведенном Господом в достоинство империи:

Горы и холмы... плачьте о франкском народе, вознесенном Христовой милостью до имперских высот, а ныне падшем в прах... В одно время он потерял и титул императора, и его достоинство, а некогда единое королевство пошло тремя путями. Впредь уже нельзя говорить об императоре, королек сменил короля, частица заменила целое¹⁷.

Картина оказывается неверной, если воспринимать этот текст буквально. Лотарь, сын Людовика Благочестивого, носил императорский титул до своей смерти в 855 г., затем титул перешел к его старшему сыну Людовику II Итальянскому (ум. 875) и т. д. Флор на самом деле клеймит разрыв между идеей об избранном народе, призванном ко всеобщему господству и ведущем мир к согласию с Господом, и властью людей, впавших в мелочные усобицы. После 843 г. существовали как империя, так и император, но настоящего *imperium* уже не было.

Развенчание идеи империи, предпринятое Фихтенау, не было единодушно воспринято во Франции, где иной имперский опыт – наполеоновский и колониальный – наряду с традиционной снисходительностью к великим личностям и дальновидным правителям не позволил запятнать репутацию Карла Великого. В то время когда Фихтенау разъяснял, почему имперская идея по сути своей была ошибочна, Альфан доказывал читателям Флора, что речь идет лишь об одной-единственной неудаче и наследников Карла Великого и Людовика Благочестивого можно обвинять только в том, что им не удалось достичь идеала христианского правления, а не в самом стремлении к нему¹⁸. Преимущество версии Фихтенау состоит в том, что она позволяет прояснить ряд хронологических проблем: Каролингская империя появилась в церковном дискурсе задолго до коронации Карла Великого и продолжала существовать даже после смерти Карла III Толстого (888), потому как жизнь идей длиннее их преходящих воплощений. По версии же Альфана, империя Каролингов пришла в упадок уже в 828–835 гг. Кризис правления Людовика Благочестивого вышел за рамки сугубо политического и экономиче-

¹⁶ Mabillon J. *Vetera analecta, nova editio cum itinere Germanico*. Paris, 1723, pp. 413–414.

¹⁷ Florus Lugdunensis. *Carmina* // MGH. *Poetae Aevi Carolini*. Bd. 2, Hannover, 1884, pp. 560–561.

¹⁸ Halphen L. *Charlemagne et l'Empire carolingien*, Paris, 1947. 532 p.

ского противостояния отца со своими сыновьями – Лотарем, Пипином и Людовиком, но в 820-е гг. проявился также во все более частой критике со стороны епископов, не принимавших возможность соединения Церкви и светской власти. В частности, изблечение «секуляриза-ций» церковных земель, проводимых Карлом Мартеллом, строилось на стремлении к размежеванию, при котором правитель обеспечивал бы безопасность Земного Царства, а Церкви оставлял заботу о его спасении. По меньшей мере нужно признать провал *Respublica Christiana*, а может, даже подвергнуть сомнению само понятие «империи», как это делал Фихтенау. Таким образом, Майке де Йонг права, когда с юмором говорит о Каролингской империи, предстающей в описаниях медиевистов в вечном упадке, причем пришедшей в него задолго до своего появления¹⁹. Эту историю неотвратимого заката рассказали уже тысячу раз. К власти приходило все больше и больше слабых, а порой даже больных правителей, пока, наконец, Карл Толстый, слабый и, возможно, склонный к припадкам, не умер в результате неудачной трепанации черепа²⁰.

Мы привыкли описывать империю Каролингов в философских, теологических, моральных и даже медицинских терминах, в результате чего создается картина неизбежного упадка. Для того чтобы сменить ракурс, попробуем обратиться к интереснейшей модели Ибн Халдуна. В 2014 г. Габриель Мартинес-Гро показал, что этот историк и философ XIV–XV вв. предложил метод исторического анализа империй, который целесообразно использовать не только в отношении исламского мира. Как утверждает автор, применяя объяснительную модель Ибн Халдуна к государству Каролингов, мы можем лучше понять не только реальное устройство империи, но и ее своеобразие, потому что «история Европы по сути своей не укладывается в его теорию»²¹, утверждает автор. Остается понять, в чем состоят эти различия! Теория Ибн Халдуна в своей основной логике не так уж плохо описывает Каролингскую империю. Предполагается, что империю создают военные элиты захватчиков. Таковыми и были франки, отправившиеся с Карлом Мартеллом завоевывать Фризию, что ярко описано в «Книге истории франков» (*Liber historiae Francorum*) начала VIII в. Опираясь на военную мощь, они обложили налогом подчиненные народы, но если Меровинги предпочитали дань, получая коров из Саксонии, свиней из Тюрингии и золото от лангобардов²², то империя Каролингов пошла путем налогового планирования, учета земель и переписи людей на службе у графов²³. Несмотря на то что большинство фискальных документов Каролингской империи было утеряно, не следует считать, что система налогообложения была произвольной. Надо всего лишь поискать в других источниках, например в протоколах конфликтов, чтобы понять, что за завоеванием земель сразу следовало строгое распределение налоговых поступлений²⁴.

После завоеваний наступает фаза восстановления порядка, ее характеризует появление единой судебной системы вместо местных судов, гарантом которой выступает государство. Оно воплощает идею абсолютной справедливости и обладает монополией на законное насилие. Именно это и происходило при Карле Великом между всеобщим собранием 802 г. и созданными для реформ соборами 813 г. В каждом новом капитулярии император говорил о право-

¹⁹ Jong de M. The Empire that was Always Decaying: The Carolingians (800–888) // *Empires. Elements of Cohesion and Signs of Decay*. Vienne, 2015, pp. 6–25.

²⁰ Саймон МакЛин проблематизировал историографию этого вопроса в работе: MacLean S. Kingship and Politics in the Late Ninth Century. Charles the Fat and the End of the Carolingian Empire. Cambridge, 2003, pp. 1–22. О болезни и одержимости Карла см. также: MacLean S. Ritual, Misunderstanding and the Contest for Meaning. Representations of the Disrupted Royal Assembly at Frankfurt (873) // *Representations of Power in Medieval Germany, 800–1500*. Turnhout, 2006, pp. 97–118.

²¹ Martinez-Gros G. Brève histoire des empires. Comment ils surgissent, comment ils s'effondrent. Paris, 2014, p. 23.

²² Reuter T. Plunder and tribute in the Carolingian Empire // *Transactions of the Royal Historical Society*. Vol. 35. 1985, pp. 75–94.

²³ Élisabeth Magnou-Nortier, Aux origines de la scalité moderne. Le système scal et sa gestion dans le royaume des Francs à l'épreuve des sources, V^e–XIe s., Genève, Droz, 2012. Некоторые переводы в этой публикации вызывают вопросы.

²⁴ Francesco Borri, «“Neighbors and Relatives.” The Plea of Rižana as a Source for Northern Adriatic Elites», *Mediterranean Studies*, 17, 2008, pp. 1–26.

судии для всех, гарантированном, с одной стороны, всеведущим государем, а с другой – письменными нормами.

С меровингских времен епископы и графы во франкских королевствах были проводниками общественного правосудия. Вместе с посланниками императора (*missi*), его представителями в конкретных судебных округах, они ведали судом совершенно иной природы. Имперское правосудие позаимствовало у Церкви территориально-административное деление, исполнителей и легитимность для того, чтобы противопоставить себя судам местных властей и приравнять к суду Божьему, доступному каждому и по определению справедливому (ведь Бог ни для кого не делает исключений!). Именно в это время в Каролингской империи исчезает воинская повинность для всякого свободного человека, что Ибн Халдун назвал бы демилитаризацией. В германских обществах личная свобода выражалась в праве на участие в политических собраниях, где на основе обычаев выносились приговоры и принимались общественно полезные решения. Кроме того, свободный человек участвовал в военных походах данного сообщества и получал прибыль от трофеев и пленников, за которых он мог потребовать выкуп или перепродать их в качестве рабов. К 808 г. эта система была отменена: закон отныне выделял среди франков земледельческое большинство, которое могло не воевать, но обязано было внести свой вклад в вооружение и снабжение сражающегося меньшинства, предопределенного к этой роли владением богатыми наделами²⁵. То есть, согласно Ибн Халдуну, мы имеем основание говорить о разоружении населения. Основное различие с исламским подходом было в том, что защита империи не препоручалась наемникам, обособленным от основного политического сообщества. Профессиональные воины, награждаемые земельными наделами с налоговыми льготами или церковными бенефициями, являлись в то же время социальными и политическими элитами империи Каролингов, а не маргиналами. Передача военных функций сторонним лицам началась в 850-е гг., когда Каролинги обратились за помощью к скандинавским воинам. Но если в исламском мире подобная практика была повсеместной, то франки, смотревшие с подозрением на наемников, обращались к ним лишь в редких случаях.

Третья и последняя фаза истории империй, согласно Ибн Халдуну, наступает, когда население настолько разоружается, что отдаленные регионы остаются беззащитными перед лицом военной угрозы, исходящей, прежде всего, от самих наемников, а потом уже от внешних захватчиков. Не нужно далеко ходить за примером: вспомним историю нормандских вторжений, ослабивших Карла Лысого и подорвавших доверие к Карлу III Толстому. Тем не менее, в отличие от исламских империй, государство Каролингов не пало под военным натиском вследствие жесткого кризиса или узурпации власти: скандинавы интегрировались в имперскую, а затем в королевскую систему, приняв их социальные нормы и политические практики. Нормандия, появившаяся при Карле Простоватом, не претендовала на то, чтобы быть независимым королевством, и не оспаривала каролингскую власть²⁶. Императорский титул перестал использоваться после 888 г., однако управление по имперскому образцу сохранялось в землях Западно-Франкского королевства.

Таким образом, модель Ибн Халдуна вполне убедительна для того, чтобы проследить основные ритмы империи: завоевание элитами и обложение налогом; разоружение, проведенное за счет передачи государству монополии на отправление правосудия и применение силы;

²⁵ Marie-Céline Isaïa, *Histoire des Carolingiens (VIIIe—Xe siècle)*, Paris, Seuil, coll. «Points Histoire», 2014, pp. 194–196. Иную интерпретацию см. в: Jean Durlat, *Les Finances publiques de Dioclétien aux Carolingiens*, 284–889, Sigmaringen, Thorbecke, 1990 (Beihefte der Francia, 21), p. 327. Для Дюрлиа «мужчина» (“homme”) обозначает «императорского вассала» и «свободного человека», не занятого иными делами по поручению своего сеньора, так как манс был базовой фискальной единицей, а не наделом, который мог полностью удовлетворить потребности той или иной семьи.

²⁶ Пересмотр историографии нормандского завоевания см.: Pierre Bauduin, *Le Monde franc et les Vikings, VIIIe—Xe siècle*, Paris, Albin Michel, 2009. А также работу того же автора: «Chefs normands et élites franques, fin IXe – début Xe siècle», dans Pierre Bauduin (dir.), *Les Fondations scandinaves en Occident et les débuts du duché de Normandie*, Caen, Publications du CRAHM, 2005, pp. 181–194.

новая волна насилия и появление центробежных сил. В то же время эта модель заставляет нас обратить внимание на то, что в корне отличало империю Каролингов от исламского мира. Недостаточная урбанизация препятствовала развитию поляризованного социально-экономического пространства, которое способствовало бы концентрации богатств империи в одной или нескольких столицах. Конечно, императоры знали, как организовать поставки в свои дворцы²⁷. Торговцы, привозившие ко двору ценные вещи, меха и одежды, необходимые для того, чтобы обеспечивать верность крупных чиновников и вассалов, съезжавшихся на всеобщие собрания, наделялись привилегиями. Известно, что Аахен должен был стать северной Равенной, но город сжался до размеров церкви и дворца²⁸, его едва ли можно было назвать крупным поселком, – экономическая жизнь не вращалась вокруг огромных городов-рынков. Сбор налогов, существовавший в Каролингской империи в форме поземельной ренты, приближал крупных собственников к центральной власти за счет ежегодных даров, но при этом отсутствовала эксплуатация сельских окраин городскими центрами. Поэтому империю Каролингов сложно описывать в терминах центра и периферии или говорить о том, что окраины скорее, чем центр, склонялись к автономии. Речь идет исключительно о замысле властей: империю придумали, воплотили в жизнь и подвергали критике элиты, происходившие из ядра этого государства. Развитие этого замысла в какой-то степени зависело от изменений, происходящих в рядах элит со времен Карла Великого до правления Людовика Благочестивого (816–840)²⁹.

Эпоха Карла Великого оставила ряд самых невероятных определений того, что такое «империя», некоторые из них мы находим в письмах Алкуина. Ученый рассказывал, как по просьбе Карла во время публичной дискуссии отвечал на еретические высказывания Феликса Уржельского. Закончив перебирать свои аргументы, он предоставил императору решать, насколько они правильны с точки зрения веры и следует ли их распространять. Вот что он пишет в заключении:

Пусть Ваша священная воля и могущество, что Вы держите от Бога, защищает всюду апостольскую католическую веру; подобно тому как Вы храбро расширяете границы христианской империи силой оружия, посвятите себя защите и распространению апостольской веры с помощью Того, кто повелевает всеми царствами на земле... Пусть Всемогущий Господь в Своей бесконечной милости, дабы прославить и защитить Свою Святую Церковь и установить мир и процветание в христианской империи, преумножит, защитит и сохранит Ваше царственное могущество и славу!³⁰

Из этого определения, появившегося меньше чем через год после рождественской коронации Карла Великого 25 декабря 800 г., следует, что роль императора состояла в том, чтобы силой оружия распространять истинную веру, а предназначение его империи, определяемой словом «христианская»³¹, – в том, чтобы стать синонимом Вселенской церкви. Таким образом, согласно Алкуину, император одновременно олицетворял военную силу и вероучительную догму. Франкское духовенство, посчитавшее претензии Каролингов чрезмерными, несколько позднее распространило иную версию разделения обязанностей между императором и Церко-

²⁷ Darryl Campbell, «The Capitulare de Villis, the Brevium exempla and the Carolingian Court at Aachen», *Early Medieval Europe*, 18–3, 2010, pp. 243–264.

²⁸ Michel Sot, «Le palais d'Aix, lieu de pouvoir et de culture», dans Wojciech Falkowski et Yves Sassier (éd.), *Le Monde carolingien*, Turnhout, Brepols, 2010, pp. 243–261.

²⁹ Nelson J., «Why are there so Many Different Accounts of Charlemagne's Imperial Coronation?» // *Ead. Courts, Elites and Gendered Power in the Early Middle Ages: Charlemagne and Others*. Aldershot, 2007.

³⁰ Alcuin, *Epist.* 202, éd. Ernst Dümmler, *MGH, Epp.*, IV: *Epist. Karolini aevi*, 2, Berlin, 1895, pp. 335–336. Письмо написано во второй половине 800 г. Здесь и далее переводы сделаны с французского языка, если не указано иное. – *Прим. пер.*

³¹ О сближении терминов «Римская империя» и «Христианская империя» см.: Laury Sarti, «Frankish Romanness and Charlemagne's Empire», *Speculum*, 91–4, 2016, pp. 1040–1058.

вью, известную как «Константинов дар». Эта смиренная автобиографическая исповедь императора Константина якобы относилась к IV в., но на самом деле появилась в конце VIII в. В ней Константин признает, что своим здравием и спасением обязан папе Сильвестру, а знаки императорского достоинства (венец, пурпурная мантия и дворец), как и сама Западная империя, навечно принадлежат преемникам святого Петра:

Мы сочли надлежащим, – говорит Константин, – перенести нашу империю и царственную власть в восточные области, и в прекрасном месте, в провинции Византия, выстроить город, нареченный нашим именем, и воздвигнуть там [в Константинополе] нашу империю. Ведь несправедливо, чтобы в месте [в Риме], где император небесный поместил верховную власть священнослужителей и поставил главу христианской религии, земной император имел бы свою власть³².

Остановимся на историческом контексте, в котором появился этот любопытный памятник. Изучение рукописной традиции показывает, что в IX в. он был гораздо больше востребован среди франкских клириков-реформаторов, нежели среди представителей Римской церкви. К тому же в 830-е гг. эти реформаторы сочинили и распространили «Лжеисидоровы декреталии»³³. Им казалось, что императорская власть сошла с верного пути, поэтому они делали ставку на власть епископскую и легитимизацию ее независимости от светской.

Сторонники алкуиновского определения империи и приверженцы ограничения императорских прерогатив не были в равном положении. Позиция Алкуина была скорее исключением, вытекающим из специфики правления Карла Великого, а недоверие имперскому абсолютизму было нормой, издавна закрепившейся на Западе. На примере «Константинова дара» видно, что трактовка образа Константина определяла саму сущность императорской власти. Со времен Евсевия Кесарийского он служил образцом законной политической деятельности христианского правителя. Писались и переписывались противоречивые биографии Константина, и некоторые из них представляли далеко не идеализированный образ императора у Мульвиева моста. Так, в «Хронике» Иеронима, продолжении «Церковной истории» Евсевия, говорится, что в конце своей жизни Константин принял крещение от епископа-еретика, а значит, «почил приверженцем арианства, из-за чего с того самого момента и вплоть до сегодняшнего дня происходили разграбления церковей [арианами, получившими их от католиков] и распри во всей земле»³⁴. Эта история прочно укоренилась в западной традиции, а в эпоху Карла Великого стала источником вдохновения для недовольных испанских епископов. В 780–790 гг. Элипанд, епископ Толедский, развил учение о Троице таким образом, что в конце концов был обвинен епископами Франкского королевства в адопцианской ереси. Элипанд отвечал на критику Алкуина предостережением, адресованным Карлу Великому: «Будьте настороже, чтобы не сделаться новым Арием этого императора Константина, которого святой Сильвестр [папа] обратил в христианство, но которого Арий и женщина [сестра Константина] сделали еретиком. Святой Исидор [Севильский] говорит о нем: "Увы, он хорошо начинал, но плохо кончил". Его ошибка запятнала своим ядом не только [визи] готское королевство [в Испании], но также

³² Das Constitutum Constantini, éd. Horst Fuhrmann, MGH, Fontes iuris, 10, Hanovre, Hahn, 1968, pp. 55–98, p. 95.

³³ «Лжеисидоровы (или Псевдоисидоровы) декреталии» – сборник церковных документов (декреты и послания пап, постановления соборов и др.), главным образом подложных, появившийся в середине IX в. в Каролингской империи для обоснования теократических притязаний римских пап. Его составитель скрылся под псевдонимом Исидор Меркатор. В теологической литературе составление сборника приписывалось епископу Исидору Севильскому (VI–VII вв.). Документы, вошедшие в «Лжеисидоровы декреталии», утверждали верховную власть папы во Вселенской церкви и его независимость от светской власти, проводили идею «непогрешимости» папы (БСЭ. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978). – *Прим. ред.*

³⁴ Jérôme de Bethléem, Chronicon, éd. Rudolf Helm, Berlin, Akademie-Verlag, 1956, p. 234.

Ливию, Восток и Запад... Не делайте с прославленным государем Карлом того, что Арий сделал с Константином, и в чем он будет раскаиваться до конца времен»³⁵.

Не вызывает сомнения, что образ Константина вовсе не был бесспорным примером, обосновывающим легитимность вмешательства императорской власти в дела Церкви. Напротив, то, что император высказывался по поводу основных принципов вероучения, по мнению многих, напрямую вело к умножению ереси. Даже если не принимать во внимание полемические источники, в которых противоборствующие позиции представлены в весьма жесткой форме, то можно увидеть, что казус Константина не доказывал равенства императора и епископов в делах Церкви. Например, Руфин Аквилейский пишет, что нужно отдать Константину должное за то, что с епископами он вел себя не совсем как император:

После того как слава церквей возросла перед Богом и людьми благодаря своему чистосердечию, а на земле возник образ жизни небесной, благочестивый правитель Константин возликовал, и, каждый день совершенствуясь в вере и благочестии, он преисполнился невыразимой радостью от роста храмов. Он считал, что оказывает епископам Божиим недостаточно уважения, полагая себя равным им, но ставил их очень высоко над собой и почитал их как образ Божественного присутствия, а посему воспринимался ими как отец, а не как император³⁶.

В отличие от Константина из сочинений Евсевия Кесарийского, Запад придумал для себя императора, не чуждого ошибок и исполненного почтения к епископам, что позволило установить норму, ограничивающую распространение имперской идеологии времен Карла Великого. Рассказывая о своих деяниях в «Папской книге» (*Liber pontificalis*), римские понтифики с благоговением вспоминают святость Сильвестра, «сначала спасавшегося в ссылке от преследования, а затем крестившего Константина, исцеленного Господом от проказы»³⁷. Вполне понятно, почему при Людовике Благочестивом вместо Константина начинают ссылаться на императора Феодосия (ум. 395) как на эталон имперской власти. Феодосий, вернувшийся к Никейскому Символу веры после долгих споров при преемниках Константина в IV в., представляется идеалом христианского правителя, о чем свидетельствует «Трехчастная история», вновь обретшая актуальность при Каролингах³⁸. Еще важнее, что дистанция по отношению к императорской власти выдерживается не только в источниках папского происхождения или в историях, связанных с античными императорами, – подобная риторика используется по отношению к более современным восточным императорам, например в небольшой «Хронике» Беды Достопочтенного. В этом тексте, ставшем на Западе с VIII в. учебником истории и церковным календарем, зачастую описывается, как императоры впадали в заблуждение и преследовали римских епископов – мучеников за веру:

Итак, Константин, обманутый Павлом [патриархом Константинопольским], как его дед Ираклий – Сергием, епископом сего

³⁵ Élipand, *Epistola ad Albinum*, éd. Ernst Dümmler citée, p. 303; sur l'utilisation de Constantin, Rutger Kramer, «Adopt, Adapt and Improve: Dealing with the Adoptianist Controversy at the Court of Charlemagne», dans Rob Meens, Dorine van Espelo, Bram van den Hoven van Genderen, Janneke Raaijmakers, Irene van Renswoude, Carine van Rhijn (éd.), *Religious Franks. Religion and Power in the Frankish Kingdoms. Studies in Honour of Mayke de Jong*, Manchester, Manchester University Press, 2016, pp. 32–50. Об историческом контексте см.: Florence Close, *Uniformiser la foi pour unifier l'Empire. Contribution à l'histoire de la pensée politico-théologique de Charlemagne*, Bruxelles, Académie royale de Belgique, 2011.

³⁶ Rufin d'Aquilée, traduction de l'Histoire ecclésiastique d'Eusèbe de Césarée, X, 4, 1, éd. Theodor Mommsen, Berlin, 1903–1908, p. 863.

³⁷ *Liber pontificalis*, éd. Theodor Mommsen, Hanovre, Hahn, 1898, p. 47.

³⁸ Mayke de Jong, *The Penitential State*, Cambridge, Cambridge University Press, 2009, puis Graeme Ward, «Lessons in leadership: Constantine and Theodosius in Frechulf of Lisieux's Histories», в сборнике: Clemens Gantner, Rosamond McKitterick, Sven Meeder (éd.), *The Resources of the Past in Early Medieval Europe*, Cambridge, Cambridge University Press, 2015, pp. 68–83.

царственного града, создал Символ, противоречащий католической вере... Поэтому папа Мартин, созвав в Риме собор 105 епископов, осудил и предал анафеме названных еретиков Кира, Сергия, Пирра и Павла. Император повелел экзарху Феодору схватить папу Мартина в Константиновой церкви [Латеранская базилика] и привезти его в Константинополь. Вслед за тем он был выслан в Херсонес и окончил там жизнь³⁹.

Понятно, что Запад не отрицал того, что император всевластен, однако полагал при этом, что он предрасположен к заблуждениям и злоупотреблению своей властью. Кроме того, Рим питал скрытое недоверие к сильной императорской власти на Востоке.

Таким образом, в среде историков кочует неверное представление о том, что империя есть нечто замысловатое, по природе своей клерикальное и римское, вплоть до утверждения, что Церковь использовала Карла Великого в своих целях. Церковникам, содействовавшим становлению Карла Великого в качестве императора, с большим трудом удалось найти альтернативу западной модели императорской власти. Они пытались возродить политическое и законодательное господство римского образца. Именно этим занималась франкская историография VIII–IX вв.⁴⁰ Так, например, в хрониках «Анналы Королевства франков» (*Annales royales des Francs*) территориальная экспансия оправдывается этническим превосходством довольно неопределенного характера: «франками» называются те, кто всюду распространяет свою власть под началом Каролингов⁴¹. Империя существовала до того, как появилась имперская идея. Карл Великий аккумулировал в своих руках сложный конгломерат из нескольких королевств, для управления которым, как показал Генри Майер-Хартинг, нужно было восстановить римскую законодательную систему⁴². Таким образом, имперский статус был не только идеологическим прикрытием, оправдывающим захват Италии и Саксонии, но средством перехода от фактического господства к правовому. Такой взгляд на политические и правовые аспекты опирается на очевидную цепочку событий. Франки не уставали присоединять новые территории к трем исконным меровингским королевствам (Австразии, Нейстрии и Бургундии): дельту Рейна и Фризию, Северную Италию, Баварию, Тюрингию, всю Германию, включая Саксонию, Испанскую марку, Истрию. По окончании этих завоеваний Карл Великий принял императорский титул. Единственными завоеваниями после 820-х гг. были внутренняя христианизация населения, особенно в Германии, и евангелизация, проводимая в приграничных с данами районах, не предполагавшая новых территориальных приобретений. Карл признавал независимость Королевства данов и поддерживал с ним дипломатические связи, задокументированные в «Королевских анналах» 810–811 гг. Людовик Благодетельный поддерживал претензии Харальда Клака на престол данов, однако власть досталась Хорику (827–854), сыну Гудфреда (ум. 810). Не стоит думать, что каролингские правители стремились к тому, чтобы территория империи совпала с границами западного христианского мира. Каролингское государство представляло собой конкретное политическое образование в очерченных границах. Первая редакция «Лоршских анналов», объясняющая франкским аристократам, как им следует воспринимать рождественскую коронацию 800 г., напрямую связывала право Карла Великого на титул императора с числом территорий под его контролем, а не с позицией по отношению к Церкви или Святому Престолу⁴³. К тому же, став императором, Карл переменял образ своего правле-

³⁹ Bède le Vénérable, *Liber de ratione temporum*, cap. 66, éd. Charles W. Jones, Turnhout, Brepols, 1977, p. 526.

⁴⁰ Rosamond McKitterick «Political ideology in carolingian historiography», в сборнике: Yitzhak Hen et Matthew Innes (dir.), *The Uses of the Past in the Early Middle Ages*, Cambridge, Cambridge University Press, 2000, pp. 162–173.

⁴¹ Helmut Reimitz, *History, Frankish Identity and the Framing of Western Ethnicity, 550–850*, Cambridge, Cambridge University Press, 2015.

⁴² Henry Mayr-Harting, «Charlemagne, the Saxons, and the Imperial Coronation of 800», *The English Historical Review*, vol. 111, no. 444, 1996, pp. 1113–1133.

⁴³ Roger Collins, «Charlemagne's Imperial Coronation and the Annals of Lorsch», в сборнике: Joanna Story (dir.), *Charlemagne*.

ния. Его законодательная деятельность ощутимо выросла: на 24 капитулярия и соборных акта, утвержденных в период 768–801 гг., приходится 79 аналогичных документов в период 801–814 гг.⁴⁴ После принятия императорского венца правление Карла во многом свелось к кодификации и согласованию письменных норм, что не может не напомнить царствование Юстиниана. Также не стоит недооценивать личностный аспект этих изменений: неуемный 30-летний царь-победитель к 60 годам превратился в императора-законодателя, осевшего в Аахене. Налицо очевидные изменения: империя постепенно перестала присоединять к себе королевства и начала управлять ими. При таком рассмотрении императорский титул, по сути, означал превосходство над другими правителями, покоренными Каролингами в ходе военных кампаний, поэтому нет ничего удивительного в том, что в 813 г. Карл передал титул своему сыну Людовику, тем самым сделав его наследственным:

В конце жизни, когда его тяготили болезнь и старость, Карл призвал к себе Людовика, короля Аквитании, единственного из сыновей Хильдегарды, оставшегося в живых. Собрав надлежащим образом со всего королевства знатнейших франков, Карл при всеобщем согласии поставил сына соправителем всего королевства и наследником императорского титула. Возложив на его голову корону, Карл приказал именовать Людовика императором и Августом⁴⁵.

Людовик Благочестивый поступил аналогичным образом со своим старшим сыном Лотарем в 817 г.⁴⁶ За этими действиями стояла византийская практика передачи императорской власти. Василевс вступал на престол после единодушных оваций, если его поддерживали армия, народ и аристократия, но при этом со времени Исаврийской династии императорский титул считался наследственным, а эпитет «багрянородный», появившийся при Македонской династии, придавал ему сакральный характер. И только после этой демонстрации всеобщего одобрения патриарх Константинополя проводил в соборе Святой Софии коронацию, подкрепляя тем самым политический выбор, в котором сам он не участвовал.

Таким образом, у империи были очерченные границы и определенный способ управления. Ожесточенность историографических споров вокруг этого вызвана постоянными сравнениями государства Каролингов с его соседями. Его описывают, не только противопоставляя Византийской империи или связывая с ней, о чем говорит тот же «Константинов дар», но также и как нечто, объединяющее наследие Римской империи с христианской идеей⁴⁷. Вальтер Поль, продолжая линию Фихтенау, считает, что империя существовала в человеческих умах, но при этом колебалась между двумя унаследованными полюсами: с одной стороны, Римская империя с ее судопроизводством и законодательством, а с другой – христианский универсализм. Каролингская империя была нескончаемой вереницей попыток скрестить эти две составляющие, которые так и не увенчались успехом. Отношения Каролингского государства с христианскими англосаксонскими королевствами позволяют лучше понять, как они могли сосуществовать. Королевства Англии никогда не подчинялись франкскому господству, но, по сути, входили в наднациональную систему, которую можно называть «западным христианским миром». В 780–790 гг. в англосаксонской Британии (Кент, Уэссекс, Мерсия) правил король Мерсии Оффа

Empire and Society, Manchester / New York, Manchester University Press, 2005, pp. 52–69.

⁴⁴ Rosamond McKitterick, *Charlemagne. The Formation of a European Identity*, Cambridge, Cambridge University Press, 2008.

⁴⁵ Eginhard, *Vie de Charlemagne*, trad. Michel Sot, Paris, Les Belles Lettres, 2014, pp. 69–71. Русский перевод: Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Вступительная статья, перевод, примечания, указатели М. С. Петровой. – М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2005. 304 с.

⁴⁶ «Нам показалось правильным... что Лотарь, коронованный нами... императорским венцом, станет нашим соправителем и наследником империи...», Louis le Pieux, *Ordinatio imperii* (817), p. 271.

⁴⁷ Walter Pohl, «Creating Cultural Resources for Carolingian Rule: Historians of the Christian Empire», dans C. Gantner, R. McKitterick, S. Meeder (éd.), *The Resources of the Past in Early Medieval Europe*, op. cit., pp. 15–33.

(757–796), влияние которого простиралось вплоть до Нортумбрии. Оффа был независимым правителем в землях, которые никогда не подчинялись франкам. При поддержке папы Адриана в 786 г. он созвал два синода по реформированию Англосаксонской церкви: один – в Мерсии, а другой – в Нортумбрии. Англосаксонские королевства стали христианскими в VII в. благодаря особым прямым отношениям с Римской курией. Однако теперь посредником между Римом и Оффой стал Карл Великий! Представители папы приехали ко двору короля Мерсии вместе с Вигбодом, посланником короля франков; нортумбрийский диакон Алкуин, ближайший советник императора, участвует в дискуссиях или, скорее, вдохновляет их; синодальные акты отправляют папе под знаменательным названием: «Собор, проходивший в Англо-Саксонии в эпоху трижды блаженного спутника ангелов, властителя Адриана, верховного понтифика и Вселенского папы, во время правления прославленного Карла, величайшего короля франков и лангобардов, патриция римлян в восемнадцатый год его правления»⁴⁸. За четырнадцать лет до коронации слово «император» еще не использовалось, но намеки на имперскую природу власти были очевидны. На Западе есть лишь один государь, с разрешения папства защищающий интересы Церкви! Карл не был политическим правителем всего Запада, но лишь «возлюбленным другом»⁴⁹ Оффы, а по совместительству – «римским патрицием». В лице императора политическое превосходство, дававшее исключительное право на сбор налогов и отправление правосудия по римскому образцу, совмещалось со служением западному христианству, единственным предстоятелем которого был римский папа. И вновь встает вопрос о первопричине: императорский титул присваивается папой, но передается внутри Каролингской династии, его удостоиваются за высочайшие личные качества согласно римско-христианской традиции, но он переходит по наследству в соответствии с франкским правом. В сентябре 813 г. Людовик получает империю от своего отца Карла Великого, а в октябре 816 г. просит папу Стефана IV короновать его в Реймсе.

На примере чрезвычайно важного в этом отношении сборника папских писем 791 г. (*Codex carolinus*) прекрасно видно, как Римская курия на протяжении VIII в. формулировала и конкретизировала определение «империя» с акцентом на служении Церкви, а Каролингское государство, в свою очередь, только способствовало этому⁵⁰. Кодекс появился под именем Карла Великого, но вероятнее всего, его автором был Ангильрамн, епископ Меца, в то время исполнявший обязанности королевского архикапеллана. Ангильрамн объединил в одном сборнике 99 писем римских понтификов, адресованных Карлу Мартеллу, Пипину III и Карлу Великому. Эти письма подробно рассказывают о том, как Святой Престол, начиная с 730-х гг., опирался не на византийских императоров, а на франкских королей. С тех пор как Юстиниан отвоевал Италию у готов, равеннские экзархи, представлявшие Византию, были единственными защитниками Апостольского Престола. Однако папы Григорий II (715–731), Григорий III (731–741) и Захария (741–752) перевернули устоявшийся порядок: сначала они отлучили от церкви византийского императора Льва III Исавра за его иконоборческую политику, затем попросили защиты у короля лангобардов Лиутпранда (712–744), а в скором времени начали искать поддержки у Карла Мартелла и после него у Пипина III, к которому обратились от имени самого святого Петра:

Я, Петр, апостол Божий, усыновивший вас как своих детей, взываю к вашему милосердию и умоляю защитить город Рим и вверенный мне народ, оградить их от врагов, избавить дом, где я поселился, от осквернения,

⁴⁸ Отчет Георгия Остийского, издано в переписке Алкуина, см.: Ernst Dümmler, MGH, Epp. IV: Epist. Karolini aevi, 2, Berlin, 1895, no. 3, p. 20.

⁴⁹ По свидетельству Алкуина, см.: éd. Ernst Dümmler citée, no. 101, p. 147.

⁵⁰ *Codex carolinus*, éd. Wilhelm Gundlach, MGH, Epist. III: Epistolae Merovingici et Karolini aevi, 1, Hanovre, Hahn, 1892, pp. 476–657. En dernier lieu, Dorine van Espelo, «A Testimony of Carolingian Rule? The Codex epistolaris carolinus, its Historical Context and the Meaning of imperium», *Early Medieval Europe*, 21–3, 2013, pp. 254–282.

освободить Церковь, что доверена мне властью Божией. Я умоляю и заклинаю вас внять горечи и вступиться против притеснений, которые чинит злокозненный народ лангобардов... Из всех народов под небесами Ваш, франки, главенствует в глазах Петра, апостола Божия; и поэтому я, руками своего наместника, перепоручаю вам Церковь, которую передал мне Господь, дабы вы избавили ее от посягательств врага⁵¹.

Таким образом, папские письма свидетельствуют о передаче полномочий константинопольских императоров франкским королям⁵². Миссия, возложенная на них была «императорской» по своей природе, даже когда она выражалась в более скромном титуле «патриций римлян», присвоенном Пипину III в 754 г. Речь шла о том, чтобы оказывать Римскому престолу военную защиту, в которой он нуждался. Однако, когда Карл Великий объединил разрозненные послания в одном сборнике, они приобрели более широкий смысл. Он пишет, что «все известные письма наместников Престола Святого Петра, князя апостолов, касающиеся империи (*et etiam de imperio*)», нужно копировать и сохранять, потому как они являются источником права и основной доктрины. Как отметила Дорина ван Эспело, формула *et etiam de imperio*, употребленная Карлом, означала не только то, что в сборник включены письма имперского (константинопольского) происхождения, но также и письма, в которых содержались рассуждения на тему империи. Непонятно, что мы должны понимать под этой формулировкой, быть может, письма были очевидным свидетельством несостоятельности восточных императоров? Или доказательством доверия, оказываемого римскими понтификами франкским королям, которым этих императоров предстояло заменить? В обоих вариантах сборник 791 г. мог послужить основой политического дискурса, направленного на возрождение Западной империи. Когда римские папы обосновали, что именно Каролинги должны стать «патрициями римлян», Карл Великий создал видимость того, что на него возложена императорская миссия. Метания историков от понимания «империи» как подобия Церкви к «империи», которая должна была воскресить Рим эпохи Августа, лишь подчеркивают сложность и многогранность концепции, изобретенной Каролингами.

Избранная библиография

BACHRACH, Bernard S., *Charlemagne's Early Military Campaigns (768–777). A Diplomatic and Military Analysis*, Leiden/Boston, Brill, 2013.

DAVIS, Jennifer, R., *Charlemagne's Practice of Empire*, Cambridge, Cambridge University Press, 2015.

GRAVEL, Martin, *Distances, rencontres, communications. Réaliser l'empire sous Charlemagne et Louis le Pieux*, Turnhout, Brepols (coll. «Haut Moyen Âge», 15), 2012.

GROSSE, Rolf et SOT, Michel (dir.), *Charlemagne. Les temps, les espaces, les hommes. Construction et déconstruction d'un règne*, Turnhout, Brepols (coll. «Haut Moyen Âge», 34), 2018.

WEST, Charles, *Reframing the Feudal Revolution. Political and Social Transformation between Marne and Moselle, c. 800-c. 1100*, Cambridge, Cambridge University Press, 2013.

WILLEMSEN, A. et KIK, H. (dir.), *Dorestad in an International Framework. New Research on Centers of Trade and Coinage in Carolingian Times*, Turnhout, Brepols, 2010.

⁵¹ Codex carolinus, lettre no. 10, pp. 501–502, rédigée sous le pontificat d'Étienne II (756), traduction et commentaire de François Bougard, «La prosopopée au service de la politique pontificale», *Revue d'Histoire de l'Église de France*, t. 98, no. 241, 2012, pp. 249–284.

⁵² Brève synthèse géopolitique dans Marie-Céline Isaïa, «Charlemagne, l'empire et le monde (800)», dans Patrick Boucheron (dir.), *Histoire mondiale de la France*, Paris, Seuil, 2017, pp. 96–99.

2

«Византийская» империя

Николя Дрокур

Памяти Алена Дюселье

От Средневековья и до наших дней мало какая империя так будоражила воображение, вызывала столько зависти и презрения, порождала такое количество предрассудков на свой счет, как Византия. Она продлила жизнь римской государственности более чем на 1000 лет и передала потомкам интеллектуальную культуру греческой Античности, а потому можно считать, что Византия, как государство и цивилизация, сыграла важнейшую роль в становлении европейской и всей «западной» культуры. Однако стоит признать, что наши современники обладают весьма скудными знаниями о Византии, несмотря на то что она отчетливо присутствует в коллективном воображении. Исходя из этого очевидного парадокса, в данной главе мы поведем речь о том, сколь близки бывают история и миф. Само существование византийского мифа говорит нам, что империя, которую мы даже называем неверным образом, надолго пережила Средние века и конец собственной государственности в 1453 г.

Помимо этой даты, знакомой каждому образованному человеку, о Византийской империи вспоминают в связи с ее уникальной способностью порождать одновременно восхищение и презрение. В нашем коллективном бессознательном само название этого государства подразумевает избыточную роскошь, о чем говорит расхожая французская поговорка «Это же Византия!» («C'est Byzance!»⁵³); в современном французском языке прилагательное «византийский» до сих пор отсылает к пустым, бесплодным спорам, подобным тем, которые вели великие умы, рассуждая о половой принадлежности ангелов, в то время когда империя была на грани гибели. Византию в Западной Европе ценили только в XVI–XVII вв., а в эпоху Просвещения, стоящую у истоков нашей современности, ее образ значительно потускнел. Монтескье считал, что Византия «соткана из восстаний, мятежей и измен», а Вольтер называл «Греческую империю» «мировым позором»; Гегель, в свою очередь, свел тысячелетнее существование империи к «чередѣ злодеяний, подлостей и извечной слабыхарактерности». Империю обвинили в том, что политическое в ней переплелось с религиозным, возложили на нее ответственность за нескончаемые низости и жестокости.

Этот мрачный образ утвердился на долгое время, прежде чем Византия вновь обратила на себя внимание и заняла почетное место в коллективном сознании. Ги де Мопассан описывал город на Босфоре, давший имя всей империи⁵⁴, как одновременно «изысканный и развращенный, варварский и богомольный», а вместе с тем окутанный некоей «тайной». Именно с этим словом чаще всего ассоциируется византийская держава. Литература конца XIX в., а вслед за ней и зарождающаяся историческая наука вернули Византии былую славу⁵⁵. Однако веком позже, и в наши дни, ей все еще присваивают особую роль, трудно поддающуюся определению. Византия не вписывается в наш категориальный аппарат: ее нельзя назвать по-настоящему западной или по-настоящему восточной, она была одинаково европейской и азиатской.

⁵³ Восклицание: «Это восхитительно!» или «Живут же люди!» (Французско-русский универсальный словарь). – *Прим. ред.*

⁵⁴ Название «Византийская» Восточная Римская империя получила в трудах западноевропейских историков уже после своего падения, оно происходит от первоначального названия Константинополя – Византий (греч.: Βυζάντιον, лат.: Byzantium). – *Прим. ред.*

⁵⁵ Delouis O. Byzance sur la scène littéraire française (1870–1920) // Byzance en Europe / Marie-France Auzépy (dir.), Saint-Denis, 2003, p. 120.

Эта цивилизация заставляет нас пересмотреть весьма условную границу между Античностью и Средними веками, которую принято проводить по 476 г.

Опираясь на достижения современной историографии, в этой главе мы рассмотрим некоторые особенности, характеризующие, как нам кажется, Византийскую империю. Конечно, невозможно рассказать обо всем в столь узком формате. В предлагаемом сборнике речь пойдет также и о других средневековых империях, одни из которых почитали Византию за образец, а другие, напротив, усматривали в ней свою противоположность. Таким образом, пришлось делать выбор и некоторым темам сознательно уделять больше внимания. Принято считать, что империя – это в первую очередь притязания на мировое господство⁵⁶ и убежденность в праве на него, поэтому акцент мы сделали на имперской идеологии и формах репрезентации императорской власти. Наравне с практической стороной устройства политической жизни эти два аспекта можно считать ключевыми для понимания Византийской империи и ее долгожителства⁵⁷. Чтобы дойти до самой сути, мы рассмотрели все то, что Византия унаследовала от своих предшественников, а также географические условия, в которых она развивалась. Надеемся, что изложенные в статье аспекты помогут лучше понять эту империю и опровергнуть определение, которое можно прочесть на пародийном аналоге «Википедии», где Византия представлена как «какая-то штука, о которой никто ничего не знает, на которую всем наплевать и основная особенность которой состоит в том, что в ней все необычайно запутанно и скучно»⁵⁸.

Имперская триада

Одна из ключевых особенностей Византийской империи заключается в том, что она опиралась одновременно на три унаследованные традиции, которые продолжали жить в ней на протяжении более 1000 лет. Культура Византии была греческой, вера – христианской, а государственное устройство – римским. На перекрестке этих трех традиций, постоянно подпитывающих друг друга, родилась неповторимая цивилизация.

Без всякого сомнения, начать стоит с римского наследия. Жители империи и подданные императора, которых мы называем «византийцами», сами себя именовали римлянами, по-гречески – «ромеями» (*Rhōmaïoi*). В этом нет ничего удивительного, ведь после раздела империи на две части в 395 г. лишь западная половина погибла в 476 г. Вторая часть, занимающая все Восточное Средиземноморье и смежные области, продолжала существовать. В этой главе речь пойдет именно о ней, тысячелетней империи, раскинувшейся вокруг своего «Нового Рима» – Константинополя. Порой мы называем ее Восточной Римской империей, что, конечно, верно, если смотреть на карту со стороны Рима и Западной Европы, но все же вызывает вопросы с учетом того, что Константинополь стал единственной столицей империи и центром управления всеми ее территориями. К тому же на Западе не появилось ни одной другой империи, прямо соотносящей себя с римским государством. Византий, старое название города на Босфоре, который стал называться Константинополем («город Константина», римского императора, повторно «основавшего» его 11 мая 330 г.), но на заре Нового времени обрел новую жизнь в сочинениях гуманистов. Прилагательное «византийский» стало для империи определяющим и продолжает быть таковым по сей день. Мы можем смириться с этим, но должны обозначить, что государство, которое мы называем Византией, правильнее было бы именовать Римской империей эпохи Средневековья.

⁵⁶ Dagron G. *Idées byzantines*. Paris, 2012, p. 391.

⁵⁷ См. анализ социальных, экономических и др. аспектов: Kaplan M. *Pourquoi Byzance? Un empire de onze siècles*. Paris, 2016. 496 p. На русском см. другую общую работу того же автора: Каплан М. *Византия*. – М.: Вече, 2011. 416 с.

⁵⁸ «Empire byzantin» // *Désencyclopédie* (пародийная «Википедия»). Режим доступа: http://desencyclopedia.wikia.com/wiki/Empire_byzantin (дата обращения: 17/12/2018). В настоящее время сайт недоступен (03/02/2020).

Римский характер этого общества проявлялся во всех государственных структурах и ведомствах, со времен Августа подчинявшихся лишь одному человеку – императору. Ниже мы еще подробно рассмотрим такой важный аспект, как централизация власти в руках одного человека. Римская природа оставалась основополагающей вплоть до 1453 г., когда турки-османы взяли Константинополь, но совершенно очевидно, что к тому времени «средневековая Римская империя» сильно изменилась с IV в. Так, начиная с VII в. мы больше не говорим о территориях, административное устройство которых опирается на сеть городов, а скорее об империи «деревень» и крепостей (*kastra*)⁵⁹. Впрочем, именно с деревень (*chôria*) взимался базовый земельный налог. Современные исследователи единодушны в признании высочайшей эффективности фискальной системы Византии, которая была необходима для содержания армии, вознаграждения придворных сановников и многочисленных чиновников, в особенности из ведомств центрального управления – секретов. Известно, например, что служба геникона (*génikon*), иначе говоря финансовое и налоговое ведомство, пользовалась общим земельным кадастром. Также сохранились трактаты по измерению земли с целью установления налоговых ставок – настоящие учебники для налоговых чиновников⁶⁰. Даже тогда, когда империя была на краю гибели, правители не выпускали налоговый контроль из своих рук. Кроме налогообложения у чиновников и императоров был еще один не менее важный козырь – устойчивая денежная система. В отличие от христианского Запада, в Византии, помимо серебра и бронзы, на протяжении большей части Средневековья продолжали использовать золото. Константин (306–337) ввел в обращение солид, по-гречески – номизму, золотую монету, которой было суждено оставаться стабильной вплоть до середины XI в. – удивительный факт в экономической истории. «Средневековый доллар», по выражению Роберто Сабатино Лопеса, одновременно демонстрировал и обеспечивал экономическую мощь империи.

Вторая составляющая триады – греческие язык и культура. Логика становится очевидной при взгляде на территории, занимаемые империей в Восточном Средиземноморье. Греческий язык в этих землях был основным языком общения, а в классическом и позднем Риме на нем говорили аристократы. В VI–VII вв. происходит эллинизация римского государства, поэтому греческий становится государственным языком, иными словами, языком власти во всех землях кроме Лация, что нельзя не считать значительной переменой. Несмотря на это, в повседневных практиках империя была многоязычной, потому что на ее территории проживали самые разные сообщества и народы. Полиэтничность – еще одна неотъемлемая черта Византии. Однако официальное одноязычие все же отдавало первенство греческому, а следовательно, выдвигало на первый план древнюю культуру, стоящую за ним. Различие между представлением об истинной цивилизации, с одной стороны, и варварством – с другой, уже устоявшееся к началу Средневековья, было немаловажным аспектом этой культуры. Элиты империи унаследовали это противопоставление, многократно воспроизводили его и вдохновлялись им до самого конца существования Византии. Для того чтобы описать триумф Василия II (976–1025) над своими многочисленными соседями при усмирении «варварской периферии», ритор Михаил Пселл в середине XI в. прибегает к ряду языковых архаизмов: жителей Запада он называет кельтами, соседей с севера – скифами. Под этим он подразумевает, что варварский мир не меняется, а империя, в свою очередь, продолжает вести неустанную борьбу с ним.

Подобная расстановка акцентов отражает «культурную идеологию», в то время как на самом деле внешняя политика империи на протяжении всего тысячелетия показывает прекрасное знание своих соседей, способность взаимодействовать с ними по принципу «разделяй и властвуй» (*divide et impera*), следуя установкам «реальной политики»⁶¹ (*Realpolitik*). Греческая и

⁵⁹ Kaplan M. Op. cit., p. 134.

⁶⁰ Ibid., pp. 230–231. См. здесь ссылки на различные работы и издания по теме.

⁶¹ Реальная политика (нем. *Realpolitik*) – вид политического курса, при котором идеологические, моральные и правовые

римская культуры со временем настолько сблизилась, что начиная со Средневековья перестали восприниматься отдельно друг от друга. Об этом говорит тот факт, что еще в XX в. франко-греческие словари публиковались под названием франко-ромейских. Богатство интеллектуальной культуры передавалось с помощью системы школьного образования, пайдейи, унаследованной из поздней Античности. Во всей империи существовали начальные светские частные школы. В Константинополе можно было получить образование следующей ступени, а в конце IX в. появилось высшее образование. Столица притягивала интеллектуальные элиты, которые были хорошо знакомы с наследием классической, эллинистической и римской традиций. Переписывая, комментируя и приспособливая тексты к современным нуждам, они передавали их последующим поколениям. Многие древние тексты попали в Византию в IX–X вв. из мусульманского мира или с христианского Запада. Помимо уже упоминавшегося Михаила Пселла, можно вспомнить знаменитого патриарха Фотия и митрополита Арефу Кесарийского в IX в., а также Максима Плануда, Димитрия Кидониса, Мануила Хрисолора, живших во времена последней императорской династии Палеологов.

Последняя составляющая византийской триады – христианство. Император Константин узаконил его в римском государстве в 313 г., а Феодосий I (379–395) дал ему статус официальной религии, запретив любые другие культы и верования. Подобное продвижение христианства при поддержке императорской власти было ключевым фактором для дальнейшего политико-религиозного синтеза в Византии. Далее мы увидим, к каким идеологическим последствиям это привело, здесь же лишь отметим, что христианский монотеизм создавал мощное основание для империи под управлением одного человека, а также то, что государственный и религиозный универсализмы усиливали друг друга. Следует упомянуть и о степени вовлеченности правителя в дела формирующейся Церкви в период с IV по VI в. Нет ничего удивительного в том, что в 325 г. император Константин созвал в Никее первый из так называемых Вселенских соборов с целью определить основы христианского вероучения. Понадобится несколько веков, чтобы они окончательно устоялись, но именно единство христианской догмы обеспечивало преданность подданных своему императору. Кроме пережитков язычества, по отношению к которым Церковь проявляла известную долю прагматизма, в первые века существования Византии там было немало еретиков-христиан, подвергавших сомнению, а то и вовсе отвергавших те или иные аспекты религиозных догм, особенно в восточных провинциях – Египте и Сирии. Роль василевсов («императоров» на греческом языке) состояла в том, чтобы преследовать их во имя ортодоксии, то есть «православия», догматы которого определялись на Вселенских соборах, проходивших под их председательством. Приверженность «правильной вере» была одним из залогов единства империи. Если смотреть более глобально, то христианство пронизывало все аспекты повседневной жизни в Византии, оно сопровождало каждого подданного императора с момента рождения до смерти. Церковь сама по себе воплощала бесспорную власть, становящуюся тем более естественной для большинства византийцев, чем слабее в позднее Средневековье становилось государство.

Имперская география: территориальные изменения и природные особенности

Было бы слишком утомительно описывать все те изменения, что произошли в территориальном устройстве Византии за время ее тысячелетней истории. Остановимся на наиболее важных континентальных владениях – Малой Азии и Балканах. Конечно, государство, называвшее себя римским, до последнего дня не могло отказаться от Италии, однако в действитель-

соображения отступают на второй план перед практическими задачами: выиграть выборы, удержать власть, добиться превосходства во внешней политике. – *Прим. ред.*

ности после 476 г. Византия контролировала лишь ее южную часть, по крайней мере до нормандских завоеваний в конце XI в. Разумеется, нельзя забывать о том, что пятью веками ранее знаменитая «реконкиста» Юстиниана (527–565) утвердила власть Константинополя на всем полуострове и, более того, во всем Западном Средиземноморье вплоть до Бетики, нынешней Андалусии. Тем не менее эти обширные владения едва пережили самого Юстиниана. С его смертью начинается период резкого сокращения территорий империи, так называемый долгий VII в. Что касается Италии: в 568 г. на север полуострова вторглись лангобарды. Вскоре во владении империи, не считая южной оконечности полуострова, остались только разрозненные территории вокруг Неаполя, Рима и Равенны, где до 751 г. располагалась резиденция экзарха, представлявшего интересы императора. Задолго до падения Равенны участились постоянные вторжения славян, болгар и аваров на Балканы. В 626 г. авары, народ монгольского происхождения, подошли к воротам Константинополя, в то время как восточной границе Византии угрожали персы.

Некоторое время спустя само существование восточного фланга империи оказалось под натиском арабов. Византия в считанные годы потеряла две самые процветающие провинции – Египет и Сирию. Арабская угроза сохранялась как на суше, так и на море вплоть до IX в., а Константинополь оставался для арабов желанной целью даже после знаменитой осады 717–718 гг. Затем наступил период византийской «реконкисты»: сначала империя отвоевывала земли у багдадских Аббасидов, потом, с 970-х гг., у каирских Фатимидов и одновременно – у Болгарского царства. Болгарию можно без преувеличения назвать второй империей на Балканах: наивысшей точкой расцвета было правление в начале X в. царя Симеона, выросшего в Константинополе. В первой половине XI в. Византия вновь достигает территориального максимума, связанного с правителями из так называемой Македонской династии (867–1056), точнее, после присоединения болгарских территорий Василием II, экспансионистская политика которого к тому времени позволила захватить север Сирии и Месопотамии, а в планах стояло постепенное вторжение на Кавказ.

Система потеряла устойчивость, когда в Италию вторглись норманны, а в 1060–1070 гг. в Малой Азии появились турки-сельджуки. Если их натиск все же удалось сдержать благодаря военным и дипломатическим успехам Алексея I Комнина (1081–1118), то нашествие вооруженных паломников-крестоносцев, природа которого была совершенно непонятна византийцам, окончательно дестабилизировало империю. Всем известно, что участники Четвертого крестового похода неожиданно изменили направление своего пути и в апреле 1204 г. взяли Константинополь. Они составили документ под названием «Раздел Романии» (*Partitio Romaniae*), по которому ромеям оставалась лишь скудная часть прежних владений. Империя была разделена между латинянами, среди которых особая роль отводилась латинскому императору Константинополя и Венеции. Сложившаяся ситуация способствовала появлению новых греческих государств: в Эпире на Балканах, вокруг Трапезунда и Никеи в Малой Азии. В противостоянии с Эпирским и Болгарским царствами в Никее под управлением династии Ласкарисов (1204–1258) шла подготовка отвоевания европейских территорий и Константинополя. В 1261 г. Михаилу VIII (1258–1282), первому представителю последней византийской династии Палеологов (1258–1453), удалось взять город. Период с разрушения Латинской империи до окончательного падения Византийской в 1453 г. зачастую ассоциируется с новым витком территориальных потерь, однако в последнее время активно пересматривается историками⁶². Переоценка также коснулась успехов турок-османов в Византии. Было бы странно не сказать о том, что они зачастую пользовались благоприятными обстоятельствами, созданными географическими особенностями подвластных Византии территорий.

Действительно, специфика окружающей среды не раз меняла политическую, экономическую и военную судьбу Византии. Страшная эпидемия так называемой Юстиниановой чумы 541–542 гг. ввела империю в глубокий демографический и санитарный кризис, из которого она выйдет в лучшем случае двумя веками позднее. Затем 120 морозных дней зимы 927–928 гг. ускорили экономические и социальные изменения, в результате которых крупные землевладельцы присвоили себе земли более мелких и слабых. Такой передел был невыгоден византийскому правительству, но приостановить его не удавалось. Другим постоянным природным фактором была вулканическая активность. Фракийское землетрясение 1354 г. уничтожило множество городов, среди которых Галлиполи на западной стороне Дарданелл. Турки-османы воспользовались этим, чтобы создать ряд плацдармов на европейском берегу – опорных точек для дальнейшего завоевания государства Палеологов. Ситуация усугублялась тем, что в середине XIV в. снова началась эпидемия чумы – «черной смерти», а также стали очевидны первые последствия ухудшения климата, вызванного началом Малого ледникового периода. Все это сыграло существенную роль в снижении экономической активности и внесло свой вклад в политическую нестабильность того времени⁶³.

Идеологический фактор и реалии политической жизни

Рассматривая политические практики вкупе с исключительным долгожительством империи, историки приходят к выводу, что природа императорской власти была одной из важнейших причин ее незыблемости. По-видимому, именно идеология обеспечивала прочную связь между империей и ее подданными, цементируя государство. Перемены в политическом режиме, в свою очередь, рассказывают о способности и желании меняться. На этом следует остановиться подробнее.

⁶² Raul Estangüi Gómez, *Byzance face aux Ottomans. Exercice du pouvoir et contrôle du territoire sous les derniers Paléologues (milieu XIVe – milieu XVe siècle)*, Paris, Publications de la Sorbonne, 2014.

⁶³ *Ibid.*, pp. 108 и далее, а также выводы, p. 534.

Читателю, знакомому с историей абсолютизма при Старом порядке, основанном на Божественном праве, политический режим византийской империи кажется вполне понятным. Государством управляет монарх, концентрирующий всю власть в своих руках и распределяющий исключительные права, единовластный правитель, стоящий выше любого другого человека, считающий себя наместником Бога на земле. Попутно отметим, что выбранная параллель не случайна: французские короли, в том числе Людовик XIV, нередко вдохновлялись византийским примером. Один лишь императорский титул, фигурирующий на многочисленных правительственных документах (официальная переписка с подданными и иностранцами, печати, наиболее торжественные акты канцелярии – грамоты-хрисовулы и т. д.), может многое рассказать об императорских притязаниях и понимании собственной власти. Вот что гласит официальная титулатура: «Император (*basileus*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.